

АНТИЧНЫЙ
МИР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОГУЛКИ
ПО РИМУ

Гастон
Буасье

Античный мир

Гастон Буасье

**Археологические
прогулки по Риму**

«ВЕЧЕ»

1876-1880

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Буасье Г.

Археологические прогулки по Риму / Г. Буасье — «ВЕЧЕ»,
1876-1880 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8925-9

Гастон Буасье (1823—1908), выдающийся французский историк, принадлежит к числу лучших исследователей римской культуры. Тщательный анализ источников, глубокое понимание крупных процессов, художественные портреты исторических деятелей Римского мира, широта исторического кругозора — таковы главные достоинства его работ. Буасье обладал уникальной способностью изображать ясно и живо римское общество по его эпиграфическим и литературным свидетельствам. По словам одного из современников историка, он «был больше, чем ученым, он был литератором, наделенным историческим воображением и тонким вкусом». Вниманию читателей предлагается интереснейшая работа Буасье по археологическим памятникам Рима. Читатель познакомится с одними из самых прославленных достопримечательностей великой столицы — знаменитым Форумом, Палатинским холмом, таинственными катакомбами, в прошлом роскошной виллой Адриана и портом Остия. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-4484-8925-9

© Буасье Г., 1876-1880

© ВЕЧЕ, 1876-1880

Содержание

Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гастон Буасье Археологические прогулки по Риму

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Глава I

Форум

Я часто слышал, что опасно после долгой разлуки посещать вновь людей или места, которые сильно любил. Редко находишь их в том же виде, в каком сохранились они в воспоминании. Прелесть улетучивается с годами, вкус и идеи меняются, способность восхищаться слабеет; рискуешь остаться холодным перед тем, что восхищало в молодости, и возможно, что вместо ожидаемого удовольствия получишь только неприятность. Такое разочарование имеет роковые последствия, потому что с настоящего разочарование переходит на прошедшее; оно отражается на наших прежних впечатлениях и портит запас воспоминаний, который надо бережно хранить в своем сердце до конца жизни.

Такой опасности подвергается путешественник, отправляющийся в Рим через 10 лет после своего первого посещения¹. Сколько перемен произошло в эти десять лет. В Риме появились новые властелины; древний город пап стал столицей Итальянского королевства. Как приспособился он к этой перемене? Какое действие произвел на него новый режим, столь отличный от старого? Не потерял ли он от этого, и найдешь ли его в том же виде, когда расстался? Вот первый вопрос, которым задаешься, когда возвращаешься в Рим. Трудно не быть им озабоченным, и как только выходишь из вагона на площадь Диоклетиановых терм, такую тихую прежде, а теперь такую оживленную и шумную, невольно смотришь во все стороны с беспокойным любопытством.

---

¹ Не надо забывать, что эти строки были написаны в 1876 г. Первое издание книги Буасье вышло в 1880 г. а десятое, с которого сделан перевод, – в 1911 г.

Пьяцца-дель-Пополо. Фото конца XIX в.

Первое впечатление, надо сознаться, не слишком благоприятно. Выходя со станции, пересекаешь новый квартал, который имеет тот недостаток, что похож на новые кварталы всевозможных городов. Не грозит ли Риму опасность превратиться в город, похожий на многие другие? В нем находишь такие же элегантные и банальные дома, которые видишь повсеместно; проходишь мимо громадного здания, своего рода казармы без всякого стиля, предназначенного сделаться министерством и которое производит жалкое впечатление рядом со старинным дворцом XVI века; идешь по широким и прямым улицам, раскаленным от солнца, и вспоминаешь, что уже во времена Нерона, перестроившего старый город по более обширному плану, зеваки восхищались великолепием новых сооружений, но умные люди сожалели о прежних узких улицах, где всегда было много тени и свежести. Начало не ободряет, и все остальное как будто ему соответствует. Спускаясь с Квиринала на Корсо², поражаешься еще разными переменами. Корсо, с пересекающими его улицами от Венецианской площади до площади дель-Пополо, был всегда самой оживленной частью города; мне кажется, что он стал еще оживленнее и что население его несколько изменилось. Реже встречаешь священников и особенно монахов, те же, которые все еще там находятся, не отличаются прежним уверенным взглядом и гордой осанкой, очевидно, они больше не чувствуют себя господами города. Среди толпы, их заменившей, с удивлением видишь много людей, которые быстро идут и, по-видимому, спешат по делу, чего не встречалось прежде. Действительно, они не принадлежат к старинному римскому населению; это по большей части чиновники, недавно переселившиеся и принесшие с собой новые привычки. Даже в те часы, когда, как прежде говорили, на улицах можно было увидеть

² Виа-дель-Корсо – главная улица в историческом центре Рима. – *Примеч. ред.*

только собак или англичан, они попадаются деятельные, спешащие, расталкивающие мешающих им идти, к крайнему удивлению старинных римских жителей, не понимающих, что можно выходить из дому во время, положенное для послеобеденного сна, и торопиться, когда жарко. Вечером движение становится вдвое больше. Около 6 часов улица принадлежит продавцам газет. Они оглушают вас своим криком, пристают к вам, преследуют вас. В Риме издается множество газет всяких форматов и всяких направлений, больше неумеренных, чем умеренных, так как подписчиков приходится привлекать скромностью цены и живостью полемики. Как удалились мы от того времени, когда читали только добродушную газету «Giornale di Roma», тщательно очищенную полицией, дружественно относившуюся к законным правительствам и узнававшую о революциях через несколько недель после их совершения. Следует ли думать, что этот народ, скептический и насмешливый, ко всему привыкший и ко всему равнодушный, который ничему не удивлялся и ничем не возмущался, который спокойно отвечал пылким людям всех партий «*che volete?*»³ или «*chi lo sa?*»⁴, стал вдруг увлекаться политикой? Трудно понять такую перемену. Очень удивляешься, видя, что даже вывески имеют политический оттенок и что парикмахеры торжественно называют себя *parrucchiere nazionale* и читают предвыборные рекламы и демократические воззвания, покрывающие стены. Вот большие новости, которые, по всей вероятности, не всем понравятся. Невольно спрашиваешь себя, что скажут об этом ревнивые поклонники, которых Рим имел во все времена, которые желают, чтобы он оставался таким же, каким был раньше, которые говорят, что его портят, изменяя в нем что бы то ни было, и которые кричали, что все потеряно, когда слишком ревностное городское управление принималось почище мести улицы и зажигать несколько лишних фонарей.

Поспешим, однако, успокоить их: не все так перевернулось, как они думают, и прошедшая перемена более поверхностная, чем глубокая. Народные кварталы почти везде сохранили свой прежний вид. Если, например, пройдя по Корсо, прогуляться дальше за Венецианскую площадь по крутым улицам, ведущим на Форум, попадаешь опять в старинный Рим. Это те самые дома, которые видел прежде, старые и грязные. Мадонны остались на прежних местах над входной дверью, и обитатели не перестали каждый вечер благочестиво зажигать перед ними лампаду. Если случайно поднимешь глаза несколько выше, к широким окнам без занавесок, наверно увидишь там достаточно людей в лохмотьях, что удовлетворит самых требовательных любителей живописного и местного пейзажа. Кабаки, похожие на погреб с широко распахнутыми дверями, все еще наполнены игроками, положившими локти на стол перед бутылкой вина «Орвието», с засаленными картами в руках. Что же касается остерий (трактиров), находящихся вдоль улиц, я думаю, они не изменились со времен Римской империи, и, глядя на них, на ум мне приходят те *unctus porinъ*, чей восхитительный запах доставлял столько удовольствия рабу Горация.

Вот при некоторой снисходительности мы уже очутились в античном мире. Если мы желаем, чтобы иллюзия была еще полнее, если мы желаем получить настоящее ощущение Рима, которое испытывали наши отцы и описали Шатобриан и Гете, пойдемте немного дальше, выйдемте за городские стены; чтобы лучше понять город, надо выйти за его пределы. Пойдем через ворота Пиа по древней Номентанской дороге. Поклонившись по дороге базилике Св. Агнессы и круглому храму, послужившему гробницей дочери Константина, приходишь к Тевероне и переходишь чрез него по очень оригинальному мосту, на котором сохранились средневековые постройки. Несколько дальше направо возвышается холм средней величины и высоты; надо с почтением подниматься на него, потому что он имеет крупное имя в истории, это Священная гора. Тут более двух тысяч лет тому назад демократия одержала одну из первых своих побед и прибегла к средству, которым она охотно пользуется до сих пор, к заба-

---

³ *Che volete?* – Что вы хотите? (ит.) – Примеч. ред.

⁴ *Chi lo sa?* – Кто знает? (ит.) – Примеч. ред.

стовке. В один прекрасный день римская армия, т. е. все взрослое население, покинув лагерь, где консулы удерживали ее, поселилась на этой горе, решившись остаться там, пока не примут ее условий. Чтобы победить, ей довольно было выждать. Аристократия, испугавшись своего одиночества, перестала сопротивляться и позволила народу учредить трибунат. Сколько воспоминаний появляется на вершине этого холма! Видная отсюда обширная равнина – та самая, где римляне, по выражению одного историка, подготовились покорять мир. Ежегодно им приходилось покорять жившие там энергичные народцы, и тут вступали они в свирепые сражения из-за обладания хижинной или опустошения поля. Тут в борьбе, продолжавшейся несколько веков, римляне приобрели военный опыт, привычку повиноваться и талант командовать. Когда они перешли горы, со всех сторон обрамляющие горизонт, чтобы распространиться по остальной Италии, воспитание их было кончено; они обладали уже добродетелями, которые сделали их способными покорить мир. С тех пор сколько славных событий! Сколько раз большие дороги, которые можно распознать до сих пор по окаймляющим их могилам, видели возвращающиеся с триумфом легионы! Сколько знаменитых имен вспоминается при виде остатков водопроводов и развалин памятников, покрывающих эту равнину! И здесь мы имеем то преимущество, чувствуя живую связь с преданиями, ничто не может отвлечь от них. В странах плодородных, густо населенных, полных жизни и движения, настоящее постоянно отрывает нас от прошлого. Каким образом продолжать мечтать и размышлять, когда вид человеческой деятельности привлекает ежеминутно наше внимание, когда шум жизни со всех сторон долетает до наших ушей? Здесь, напротив, полная тишина. На всем пространстве, которое окидывает глаз, видишь только голую равнину без деревьев, если не считать несколько одиноко стоящих пиний, без домов, кроме нескольких гостиниц для охотников. Пейзаж производит впечатление лишь общим своим видом; это монотонность или скорее общая гармония, где все сливается и смешивается. Само по себе ничто не привлекает внимания, никакая подробность не выступает, не выделяется. Я не знаю другого места, где более уходил бы в свою мысль, где удалялся бы больше от своего времени, где, по прекрасному выражению Тита Ливия, душе было бы всего легче стать античной и современной тем памятникам, которые она осматривает. Это драгоценное преимущество вполне сохранили окрестности Рима, и трудно предвидеть, когда они его потеряют. Воспользуемся же привилегией, которую сохраняет эта страна, соединить нас с прошлым лучше всякой другой. Как бы Рим ни старался украситься и следовать моде дня, туда отправляются главным образом в поисках античного мира и по счастью его еще находят. С большими развалинами, его наполняющими, и пустыней, его окружающей, Рим не мог и долго не в состоянии будет принять такой новый и современный вид, как он желал бы. По счастью для нас и для него, это ему не удалось. Своего рода оцепенение, в котором находится Рим, составляет его прелесть, и, мне кажется, к нему можно приложить слова одного поэта Ренессанса, сказанные про «Ночь» Микеланджело, что ее сон сохраняет ей жизнь: *perche dorme, ha vita*.

I

Значение Форума до конца империи. – Его положение в начале XIX века. – Раскопки Пьетро Роза. – Попытка реставрации Дютера. – Администрация Фиорелли

Путешественников, посещающих Рим, все манит заниматься преимущественно античным миром; античный мир выиграл всего больше от событий 1870 г.⁵ Новое правительство

---

⁵ 20 сентября 1870 года регулярные итальянские войска вошли в Рим. 2 октября того же года в Риме прошел плебисцит, в результате которого за присоединение Рима к Италии проголосовали свыше 133 тысячи человек, а против – 1,5 тысячи. 30 декабря 1870 года король Виктор Эммануил II переехал из Флоренции в Рим. – *Примеч. ред.*

многим обязано было античным воспоминаниям; доказывая, что Рим достоин быть свободным и располагать собой, что Италия имеет право сделать его своей столицей, охотно опирались на историю республики и империи, постоянно говорили о Сенате, о Форуме и Капитолии, и современные требования много выигрывали от покровительства этих великих имен. Это долг, который итальянское правительство приняло на себя по отношению к прошлому и который начало выплачивать, утвердившись в Риме. 8 ноября 1870 г. было учреждено правительственное заведование раскопками в столице и провинции и во главе его поставлен искусный исследователь Палатинского холма, Пьетро Роза⁶. Через неделю после этого начались раскопки Форума.

Римский Форум в 1880 г.

Естественно, что прежде всего обратились к нему. Форуму выпала особая судьба: он оставался во все времена центром и сердцем Рима. Почти во всех новых столицах главный центр в течение веков переходит с одного места на другое; в Париже он постепенно переместился с левого берега Сены на правый и с одного края города на другой. Рим оказался более верен древним традициям. С того дня, когда, по словам Дионисия Галикарнасского, Ромул и Таций, поселившиеся один на холмах Палатинском и Целийском, другой – на Капитолии и Квиринале, решили соединиться и управлять сообществом в этой нездоровой и сырой равнине, простирающейся от Капитолия до Палатинского холма, она никогда не переставала быть местом городских собраний. В первые годы не было другой общественной площади, и она служила для всяких надобностей. Утром там продавали всевозможные товары, днем совершали суд, вечером гуляли. Постепенно появились другие площади; были отдельные рынки для скота, для зелени, для рыбы, но древний Форум Ромула сохранял преобладание над всеми остальными. Даже империя, многое изменившая, не отняла у него эту привилегию. Вокруг него построили площади более обширные, более правильные, более роскошные, но их рассматривали все-

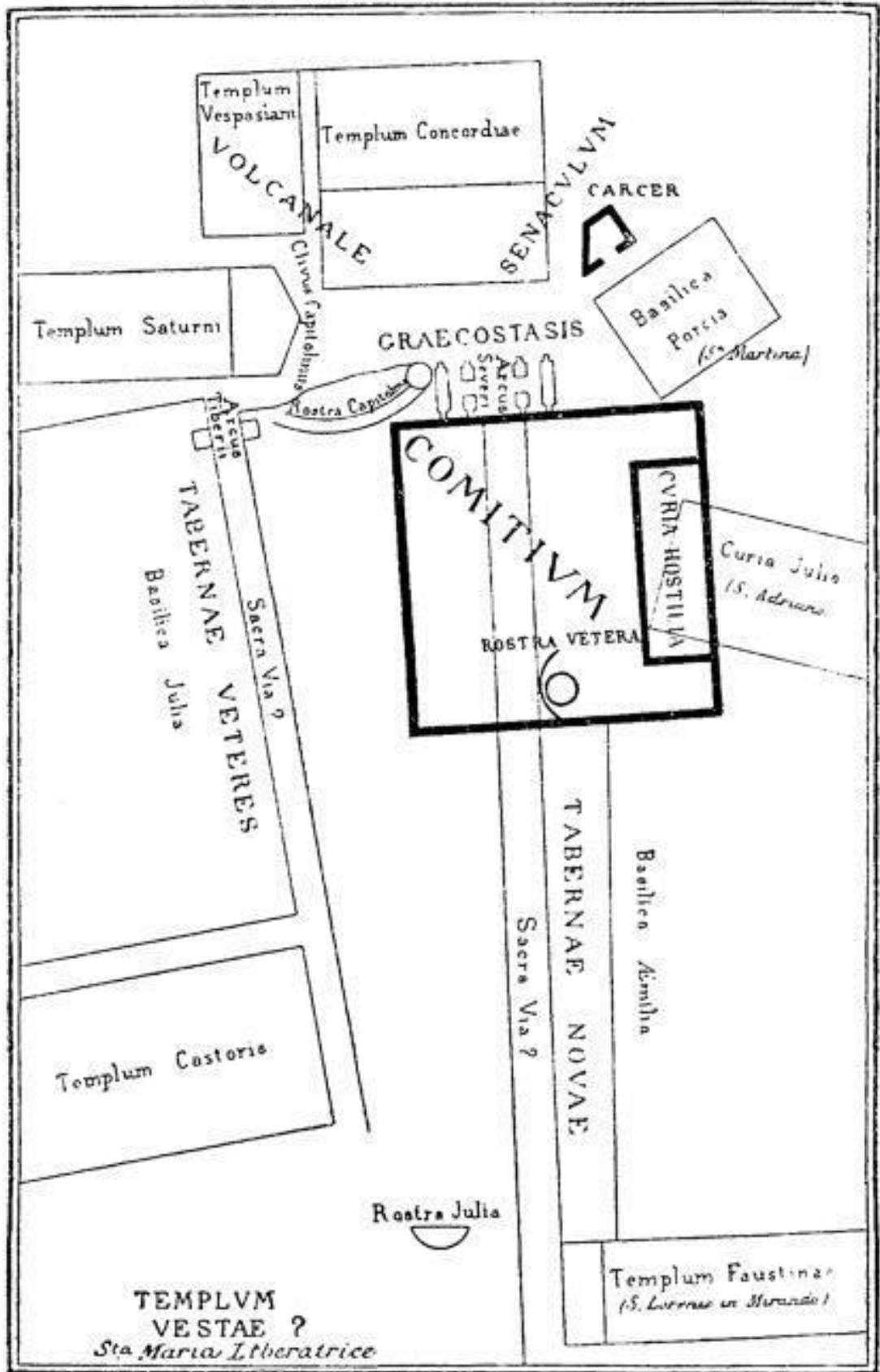
⁶ Пьетро Роза (1810–1891) был итальянским архитектором и топографом. Он изучал поселения древнеримской деревни и провел систематическую серию раскопок на Палатинском холме в Риме. – *Примеч. ред.*

таки как придатки того, что продолжали называть Римским Форумом. Он устоял против первых нашествий и пережил взятие Рима вестготами и вандалами. После каждой бури его вновь ремонтировали, и сами варвары, как например, Теодорих, восстанавливали его после причиненного ими разрушения. Древняя площадь и ее здания существовали еще в начале VII века, когда Сенат имел несчастную мысль посвятить отвратительному тирану Фоке колонну, о которой Грегоровиус⁷ говорит, что Немезида истории сохранила ее в виде последнего памятника низости римлян. С этой минуты все увеличиваются развалины. Каждая война, каждое нашествие уничтожает какой-нибудь древний памятник, который уже больше не восстанавливают. Храмы, триумфальные арки, которые снабдили башнями и зубцами, как крепости, атакуемые ежедневно в борьбе партий, разделяющих Рим, потрясенные отчаянными приступами, в конце концов разваливаются и покрывают землю своими остатками. Каждый век гряда развалин увеличивается. Когда в 1536 г. Карл V проходил через Рим по возвращении из экспедиции в Тунис, папа желал, чтобы мститель за христианство прошел под арками Константина, Тита и Севера; ничего не пощадили, чтобы приготовить ему такую прекрасную дорогу. Срыли и уничтожили, рассказывает очевидец Рабле, более 200 домов и сравняли с землей три или четыре церкви. Через несколько лет после этого Сикст V, говорят, перенес на эту пустынную площадь материалы, которые ему мешали и которые происходили от сооружений, делаемых им в других местах. Вся древность была скрыта и потеряна под развалинами в 10 метров вышиной. С этой минуты Форум, ставший площадью для скота, *Campo Vaccino*, принял вид, который он сохранил до начала XIX века. Он превратился в пыльную площадь, окруженную посредственными церквями, вокруг которой поднимались несколько колонн, наполовину видных из земли, меланхоличное и пустынное место, очень подходящее, чтобы размышлять о бренности человеческого величия и превратности судеб. Таким изобразили его Пуссен на маленькой картине в галерее Дориа и Клод Лоррен в пейзаже, принадлежащем Лувру.

---

⁷ Фердинанд Грегоровиус (1821–1891) – немецкий историк и писатель, автор знаменитого труда «Истории города Рима. Средние века». – *Примеч. ред.*

THE FORUM in the first years of the Republic

After Detlefsen

Форум в первые годы своего существования в республике, по мнению Детлефсена

Казалось бы, что эти колонны, наполовину вросшие в землю, должны были привлечь любопытство ученых. Каким же образом случилось, что, начиная с Ренессанса, никто из них не раскопал их до основания, чтобы открыть почву, на которую они опирались? Эта почва была Форума; никто не сомневался, что там навалены были исторические обломки, и тем не менее не предпринимали серьезных работ, которые могли привести к прекрасным открытиям. Только в начале XIX века начались ученые изыскания; но они очень часто прерывались и поднимали еще больше вопросов, чем разрешали их. Сведения, ими доставленные, были так неполны, что между археологами поднялись ожесточенные споры. Каждый давал другое название открытым зданиям и каждый составлял отдельный план Форума; не знали ни его границ, ни даже в точности его положения. Одни предполагали, что он должен был простираться от арки Севера до арки Тита, т. е. с северо-запада к юго-востоку⁸, другие помещали его в противоположном направлении, от Св. Адриана к Св. Феодору, и все находили у древних писателей тексты, подкреплявшие их мнение. Чтобы рассеять эту путаницу, необходимо было сделать новые раскопки. Их предприняли с мыслью, что теперь достигнут окончательных результатов. Недостаточно было сделать несколько отверстий и прийти в некоторых местах до античной почвы, решили совершенно освободить площадь от обломков и вполне очистить ее; это было средством узнать наконец правду о загадках Форума.

Археологи на Римском Форуме. Фото 1880 г.

Роза начал сначала раскапывать базилику Юлия, которая частью была открыта при прежнем правительстве, и в то же время он открыл окружающие ее храмы. По окончании этой

---

⁸ Хотя эти обозначения не совсем точны, я называю северную сторону Форума, расположенную у подножия Капитолия, и южную сторону, которая простирается от Святого Лоренцо в Миранде (храм Антонина) к Святой Марии Освободительнице. Восточная сторона – это та, что граничит с церковью Св. Луки и Св. Мартины и церковью Св. Адриана; западная сторона – та, что простирается от Виа-делла-Кончилационе до Палатина.

работы овладели одной стороной Форума, простирающейся к западу, и остановились только у церкви Св. Луки и Св. Мартины и церкви Св. Адриана. Римский муниципальный совет не позволил идти дальше; он не хотел, чтобы разрушали улицы, ведущие из одного квартала в другой в современном городе. Как ни неприятно было это препятствие, надо было довольствоваться тем, что можно было сделать. Надо отдать справедливость Розе, раскопки, во главе которых он стоял, велись энергично. Пришлось снять более 120 тысяч кубических метров земли; и под этими обломками найдено было много древних памятников, раньше известных только по имени, и топография Форума в некоторых пунктах была твердо определена.

Жаль, что римская администрация не сочла нужным печатать дневник этих интересных раскопок; этот пробел пополнен сочинением члена французского археологического института в Риме, Фердинанда Дютера⁹, о Форуме, которым я буду много пользоваться¹⁰. Дютер был свидетелем работ Розы; он следил за ними день за днем, ходил за рабочими, записывал и зарисовывал малейшие остатки орнаментов, самые маленькие куски скульптуры, встречавшиеся ему по пути. Его сочинение не только знакомит нас с Форумом после раскопок Розы, но он попробовал познакомить нас с его древним видом. Он реконструировал его разрушившиеся храмы, поднял его опрокинутые колонны, поставил статуи на их прежние основания и воссоздает перед нами все эти великолепия, от которых сохранилось всего несколько обломков. Я знаю, что в подобного рода работы входит всегда много предположений, но реконструкция Дютера, опирающаяся обыкновенно на точные указания, в общем очень правдоподобна. У него заметны, правда, некоторые пробелы и ошибки, объясняющиеся тем, что Дютер не археолог по профессии и что в то время, когда он писал свою книгу, раскопки еще не были окончены.

---

⁹ Шарль Луи Фердинанд Дютер (1845–1906) – французский архитектор. – *Примеч. ред.*

¹⁰ *F. Dutert. Le Forum romain.*

Фердинанд Дютер. Портрет 1891 г.

Чтобы придать работам более успешности и единства, итальянское правительство создало в Риме общее управление древностями и поручило его Фиорелли¹¹, который приобрел известность искусным ведением раскопок в Помпее. Фиорелли с самого начала пришел к мысли, что не следует разбрасываться, а надо сосредоточить все усилия на Форуме и его окрестностях. Работы были хорошо начаты, они дали благоприятные результаты, оставалось только довести их до конца. Надо было очистить большой прямоугольник между базиликой Константина и дворцом Цезарей. Это обширное пространство не составляло собственно части Форума, но было естественным к нему входом, соединялось с ним его памятниками; следова-

---

¹¹ Джузеппе Фиорелли (1823–1896) – итальянский политический деятель, археолог и нумизмат, действительный член Российской императорской академии наук.

тельно, нельзя было оставить его без внимания. Работы эти продолжались десять лет. От арки Тита до Капитолия, на расстоянии 500 метров, открыта была древняя почва. Воспользуемся этим и проследим все находящиеся там здания.

II

Священная дорога от арки Тита до Форума. – Храм Весты. – Жилище весталок, Atrium Vestae. – Весталки и христианские монахини. – Вид Палатинского холма

Обыкновенно посетитель входит в Форум через храм Кастора против церкви Марии Либератриче. Значит он сразу попадает на середину площади. Но я думаю, чтобы хорошо понять ее расположение, лучше проникать туда постепенно и идти по тому пути, по которому следовала обыкновенно толпа. Перенесемся на самый дальний край. Я предполагаю, что мы проходим из Колизея и что двигаемся вдоль Палатинского холма; перед нами большая античная улица, сохранившая свои широкие плиты, по которым двигаются экипажи нового города. Она поднимается прямо перед нами и доходит по довольно крутому подъему до арки Тита. Мы на Священной дороге.

Арка Тита. Фото 1875 г.

О направлении Священной дороги археологи спорили немало. Неудивительно, что вопрос этот остался для нас темным; даже в древности он, по-видимому, не был вполне ясным. Из примера Помпеи мы знаем, что на улицах в то время не было надписей; так как имена, которые им давали, распространялись только по обычаю, в их обозначении могло быть много неопределенности. Так Варрон¹² и Фест¹³ сообщают нам, что народ плохо знал, что надо назы-

---

¹² Марк Теренций Варрон (116 г. до н. э. – 27 г. до н. э.) – римский ученый-энциклопедист и писатель I в. до н. э. – *Примеч. ред.*

вать Священной дорогой. Они, однако, прибавляют к этому, что все называли так дорогу, ведущую от храма Лар (близ арки Тита) к храму Весты. Эту дорогу мы отлично знаем теперь, мы можем пройти по ней от начала до конца, и открытие этой дороги принадлежит к самым ценным приобретениям последних раскопок.

От арки Тита улица круто поворачивает направо и идет по широкой террасе, поднимающейся на несколько ступеней над ней. На этой террасе император Адриан построил храм Венеры и Ромы, от которого сохранились прекрасные развалины¹⁴. За церковью Санта Франческа Романа с ее изящной колокольней она поворачивает налево вдоль базилики Константина, от которой она отделена несколькими средневековыми постройками; потом она идет мимо храма Ромула (церковь Козьмы и Дамиана). Это здание, воздвигнутое Максентием в память о рано умершем сыне, было наполовину скрыто под развалинами, его вполне откопали; дверь поставили на место; из четырех мраморных колонн, украшавших крыльцо фасада, две были вновь поставлены на прежние основания, наконец, маленький храм предстал перед нами в своем первоначальном изяществе. Другая сторона улицы не обладает памятниками столь же значительными и так же хорошо сохранившимися. На первом плане мы находим несколько оснований статуй; было большой почестью, которой, несомненно, многие добивались, поставить свое изображение на такой бойкой улице; таким образом можно было быть уверенным, что находишься на глазах у всех и имеешь больше шансов избежать забвения. Рядом с этими основаниями почетных статуй видны остатки экседры, т. е. полукруглой скамьи, на которой, как мы это знаем из Помпей, усаживались праздные люди, чтобы поболтать между собой и посмотреть на проходящую толпу. На втором плане за этой первой линией памятников, от которых остается немного, раскопки раскрыли целый древний квартал, состоящий из домов, тесно прилипающих друг к другу. Этот квартал испытал в древности много потрясений; под домами, построенными последними, находятся фундаменты в другом направлении. Это пожары, часто приключавшиеся в Риме, особенно на Форуме, которые постоянно изменяли его вид. Йордан¹⁵ думает, что Форум был совершенно переделан в эпоху Адриана, когда этот император построил храм Венеры и Ромы, который он, несомненно, старался хорошо обставить, чтобы еще больше выставить свой талант архитектора.

Вместо того чтобы идти дальше по улице, по которой мы дошли до входа на Форум, свернем на минуту влево. Через эту массу домов, фундаменты которых открыты, направимся к Палатинскому холму и церкви Марии Либерагриче. Место, куда мы приходим, играло большую роль в истории Древнего Рима. Там первые цари установили центр римской религии, раньше, чем Тарквиний перенес его на вершину Капитолия. Построение храма Юпитера знаменует собой новую эпоху в религиозной жизни римлян. Период, ему предшествовавший, который иногда называют периодом Нумы, отличался другим характером; обряды были тогда проще и здания менее великолепны; богам еще не воздвигали статуй и в виде жертв им подносили только соленые лепешки. От этой первобытной эпохи в век империи время пощадило три памятника, стоявшие близко друг от друга: это храм Весты, где горел вечный огонь; Регия, т. е. жилище царя, который, будучи в одно и то же время духовным начальником и первым магистратом, должен был жить близ центра города, наконец, Атрий Весты, где жили весталки, помогавшие царю в исполнении им религиозных функций, как в частных домах девы служили богам отцам их семейства. Вот три памятника, которые надо было найти¹⁶.

¹³ Фест (*лат.* Féstus) – позднеимперский историк и высокопоставленный чиновник IV в. н. э. – *Примеч. ред.*

¹⁴ Лалу опубликовал реставрацию этого здания в журнале «Mélanges d'archéologie et d'histoire» Французской школы в Риме.

¹⁵ Генрих Йордан (1833–1886) – немецкий филолог и историк. Наиболее известен трудами по истории и географии города Рима в античные времена. – *Примеч. ред.*

¹⁶ Отчет об открытиях, которые были сделаны на этой стороне, читатель может найти в работе синьора Ланчиани, озаглавленной «Atrio di Vesta», опубликованной в «degli scavi» за 1883 год, и в работе господина Йордана в «Bulletino dell' istituto

Первым был открыт храм Весты. После того как освободили базилику Юлия, рабочие, подвинувшись немного дальше храма Кастора, наткнулись на маленький круглый цоколь, совершенно разрушенный. Хотя он имел очень ничтожный вид, некоторые археологи предположили, что на этом фундаменте должен был возвышаться знаменитый храм, отнесенный ко времени Нумы. Предположение это тогда оспаривалось. Теперь, когда нашли по соседству жилище весталок, предположение это стало бесспорным. Если от древнего храма остались только куча земли и несколько камней, в этом вина не только времени. Люди искуснее времени разрушают старинные памятники, и среди людей самые цивилизованные часто для них самые опасные. Раскопки XVI века причинили древностям больше вреда, чем варварство Средневековья. В 1549 г. в поисках статуй и драгоценностей археологи открыли храм Весты, остатки которого сохранились довольно хорошо, но они поспешили их уничтожить. Для зданий, которые они возводили, они взяли мраморные обшивки, фризы, колонны и даже камни из фундамента; они делали известь из камней, которых не хотели уносить, и, покончив с этим разрушением, они покрыли остатки землей. По счастью, Панвинио¹⁷, ученый того времени, сделал раньше рисунок этих развалин. Этот рисунок вместе с некоторыми барельефами и монетами, на которых изображен храм Весты, дает о нем некоторое представление. Само собой разумеется, что памятник, остатки которого нашли в XVI веке, не был построен Нумой; в течение X или XI веков он был заново отстроен несколько раз, но Овидий сообщает, что, восстанавливая его, его старались изменять как можно меньше и сохранять его прежний вид¹⁸. Это было круглое здание с маленьким куполом, покрытым металлическими пластинками. Чтобы объяснить эту форму, ученые придумали очень глубокомысленные причины. «Оно круглое, – говорили они, – потому что оно должно было быть изображением земли, а землю надо представлять себе в виде шара, в центре которого горит огонь, все оплодотворяющий».

Vesta eadem est, et Terra: subest vigil ignis utrique.

(Веста – ведь это Земля: при обеих – огонь негасимый.)

Перевод с латинского Ф.А. Петровского)

---

di corrispondenza archceologica» за май 1884 года.

¹⁷ Онофрио Панвинио (1529–1568) – итальянский монах-августинец, церковный историк, археолог, специалист по Античности. – *Примеч. ред.*

¹⁸ *Ovid. Fast. VI. 267.*

Изображение храма Весты на монете Нерона

Эти тонкие объяснения старинных грамматиков теперь брошены, и грубым крестьянам, возведшим за шесть или семь веков до нашей эры первый храм Весты, не приписывают больше таких утонченных намерений. Предполагают, что они построили его по образцу домов, в которых жили; по всей вероятности, они не знали других построек. Вот почему памятники, относящиеся к началу Рима, например хижина Ромула, которую хранили с таким почтением на Паладинском холме, храм Пенатов, на вершине Веллии, храм Геркулеса Победоносного на *Forum boarium* (Бычий Форум), были похожи друг на друга. Все воспроизводили форму круглых хижин, бывших первым жилищем италийского населения¹⁹. Эти древние здания впоследствии часто восстанавливались, и каждый раз их делали богаче; Овидий говорит, что мрамор заменил перекладины, образовывавшие стены, и крыша хижины превратилась в медный купол²⁰; но, как я уже сказал, по консервативному инстинкту, свойственному этому народу, сохранились прежние размеры, та же внешняя форма и одинаковый общий вид, так что среди великолепия империи они как бы сохраняли память о древнейшей эпохе и ее вид.

---

¹⁹ См. *Helbig. Bull. dell' instit.* 1878–1889.

²⁰ *Ovid. Fast.* VI. 261.

Дом Весталок

Жилище весталок, как и следовало ожидать, расположено в нескольких шагах от храма, в котором они служили. Если бы в 1876 г. раскопки продолжили несколько дальше, его скоро открыли бы; но их вели в другую сторону и, лишь после того как обнаружили все пространство Священной дороги, вдоль базилики Константина и вплоть до арки Тита, вернулись к храму Весты. Несколько ударов заступом было достаточно, чтобы появились стены дома весталок; благодаря энергичной работе он теперь совершенно высвобожден. Это, несомненно, самое большое открытие, сделанное в последнее время, и, за исключением базилики Юлиевой, не находили еще на Форуме такого значительного памятника.

Туда входят через боковой вход малопредставительный, но, поднявшись по нескольким ступеням, попадаешь в прямоугольный двор в 69 метров длиной и 20 шириной. Двор этот представляет перистиль обыкновенных домов, но в необычных пропорциях. Он окружен был обширными портиками, украшенными статуями *vestales maximae* (великих весталок), стоявших во главе коллегии весталок. Статуи эти были поставлены на основания с торжественными надписями. Ланчиани²¹ предполагает, что в то время, когда здание было нетронутым, в нем должна была находиться сотня статуй, но время значительно уменьшило их число. Теперь сохранились только обломки 18 статуй, более или менее пострадавших. Пьедесталы сохранились в лучшем виде. От раскопок XVI века их осталось несколько; при последних раскопках их найдено было около 20, некоторые хорошо сохранились. На них имеются надписи, из которых мы узнаем многое. Из них видно, каким уважением пользовались весталки и в каких делах они принимали участие. Быть избранной в коллегию весталок считалось такую честью, что Тиберий, желая утешить дочь Фонтее Агриппы, не избранную, счел нужным подарить ей миллион сестерциев. Честь распространилась на всех близких, и среди статуй, обломки которых

---

²¹ Родольфо Амадео Ланчиани (1845–1929) – итальянский инженер, археолог, известный исследованиями топографии и памятников Рима. – *Примеч. ред.*

найжены в Атриуме Весты, некоторые были воздвигнуты родственниками, гордившимися тем, что в их семействе есть весталка. Иногда это делали люди, обязанные жрице за какую-нибудь милость, от нее полученную, и желавшие выразить ей благодарность, и из этого видно, до какой степени простиралось влияние весталок. Мы не особенно удивимся, что они принимали участие в назначении библиотекаря императора, но в некоторых случаях их вмешательство представляется нам поразительным. Каким образом могли они доставить кому-нибудь должность военного трибуна? Какие услуги могли они оказать центурионам, отправленным товарищами в Рим для устройства дел их легиона?

Неудивительно, что благодарность всех этих лиц выражается в терминах несколько гиперболических. Конечно, надо уменьшить похвалы, расточаемые весталкам на пьедесталах их статуй, но из этих надписей мы видим, какие качества от весталок требовались. Их хвалят преимущественно за рвение и искусство, с каким они исполняют свои священные обязанности; про них говорят, что они набожно бодрствуют день и ночь у подножия жертвенников богов, у вечного огня, и что молитвы их способствуют процветанию республики. Некоторые из добродетелей, которыми они славятся, целомудрие, набожность, преданность долгу, подходят и к христианкам, но христианка не могла бы принять восторженность и преувеличение некоторых комплиментов. Она покраснела бы, если бы про нее говорили, что «своей набожностью и честностью она превосходит всех женщин, до нее бывших», или что «божество приуготовило ее для себя и избрало ее нарочно, чтобы посвятить своему служению». Надо думать, что восхвалявшие весталок были уверены, что понравятся им, а это доказывает, что смирение не принадлежало к их добродетелям. Одна из них восхваляется за поразительные познания. Действительно мы знаем, что культ Весты был очень сложен, и, чтобы выполнить все обряды, нужно было долгое обучение. Тридцать лет, на которые обязывалась весталка, делились на три одинаковые периода; в первый она обучалась своему служению, во второй совершала его, в третий учила вновь посвященных. Поэтому на одном из пьедесталов, найденных в Атриуме Весты, изображено, что молодая жрица благодарит старую за полученные уроки, другой памятник представляет замечательную особенность: имя весталки, в честь которой он был воздвигнут, испорчено так тщательно, что его невозможно прочесть. Если старались стереть это имя, значит, она перестала быть достойной оказанной ей чести, и тотчас появляется мысль, что она погрешила против целомудрия, за что сурово наказывали. Тем не менее предположение это не вполне вероятно. Памятник этот датирован консулатом Иовиана и Варрониана, т. е. годом, когда только что умер император Юлиан и когда борьба между двумя религиями была всего сильнее. Если бы старшая весталка нарушила свой обет, это произвело бы шум и сведение об этом факте дошло бы до нас. Приходится думать, что прегрешение ее было иного рода, и, так как поэт Пруденций рассказывает о весталке, которая как раз в это время приняла христианство, предполагали, что это и была наша весталка. Если это предположение верно, понятен гнев служителей Весты и желание их уничтожить имя виновной.

Скульптуры в Доме Весталок

Большой двор Атриума Весты был очищен и представляет теперь очень интересный вид. Все обломки статуй, найденные при раскопках, поместили вдоль стен, там, где стояли изображения весталок, когда здание было нетронутым. Благодаря этим остаткам воображение может легко вновь населить этот пустынный перистиль и вернуть этим обширным портикам их древних обитателей. Сохранившиеся портреты весталок, хоть и изуродованные, дают нам возможность представить себе, какими они были, со всеми «подробностями их строгого и богатого одеяния. Мы видим их короткие волосы, инфулу²² на голове, откуда падали ленточки, составлявшие нечто вроде диадемы, веревку, стягивавшую их тунику на талии, и круглую буллу, висящую на их груди, как крест наших монахинь. Ланчиани замечает, что этот костюм придает им монашеский вид; надо только прибавить, что жилище их было гораздо роскошнее, чем современные монастыри. Вспомним, что двор, где мы находимся в настоящую минуту и который они должны были постоянно посещать, имеет 68 метров в длину и 20 метров в ширину. Если сообразить, что дом предназначен был всего для 6 или 7 весталок, удивляешься таким размерам; но Йордан объяснил их очень остроумно. Судя по некоторым признакам, он думает, что часть перистиля имела вид рощицы с деревьями, аллеями и мраморными скамейками. Такое расположение было для весталок не только удовольствием, делавшим их жилище более приятным, но и необходимостью. Не забудем, говорит Йордан, что они принадлежали к первым римским домам, что их семьи имели обыкновение проводить жаркое время года в горах или на морском берегу; они, напротив, попав в Атриум, не могли уходить оттуда надолго. По своим религиозным обязанностям они должны были жить недалеко от храма Весты, и им приходилось распротиться с Тибуром, Пренестой, Тарентом и Байями. В первое время их заточение было для них менее тяжелым: между Новой дорогой и Палатинским холмом находилась священная роща, называвшаяся рощей Весты, о которой упоминает Цицерон. Но она, по всей вероятности, исчезла очень рано; скоро в этом римском квартале, все более и более населяв-

²² Инфула (*лат.* infula), или католическая митра, – литургический головной убор папы римского, кардиналов и епископов. – *Примеч. ред.*

шемся, не осталось ни одного клочка земли пустого – количество домов все увеличивалось, света и воздуха становилось все меньше, и несчастные весталки, вынужденные жить среди скученных стен, старались устроить у себя дома то, чего не давало им соседство. Поэтому им построили более обширное жилище, где им легче было бы дышать, и насадили там маленький сад, чтобы они видели зелень. Немного это было, но древние довольствовались малым. Сад требует фонтана, и мы действительно находим фонтан в Атриуме Весты. Это бассейн в 4,40 и 4,10 метра, который и теперь еще облицован изнутри мрамором. С удивлением заметили, что в бассейне и поблизости от него нет и следа водопровода, откуда бассейн мог бы быть наполнен, но Йордан очень хорошо объяснил эту особенность. Фест сообщает, что весталки должны были брать воду только из источника вполне чистого и что им запрещено было пользоваться водой, проходящей через трубы. Следовательно, надо предполагать, что рабы отправлялись за водой к какому-нибудь источнику и ею наполняли бассейн. Через найденный провод она могла стекать в водосток, устроенный под зданием.

Как это было в обычае в римских домах, все залы и комнаты были расположены вокруг двора. По обычаю приемный зал, или таблинум, находился в самом конце против бассейна. Он занимал обширное пространство и был роскошно изукрашен; с удивлением только замечают, что он не посередине. Эта неправильность объясняется поправками, которые делались в разные эпохи и которые нарушили некоторые пропорции. Другие комнаты разрушены, и трудно указать на их назначение. Некоторые служили, по-видимому, только для работ весталок, например, для изготовления *mola salsa*, в других они жили. Это те, которые размещены были вдоль портиков со стороны Палатинского холма. Некоторые сохранили еще обшивку из драгоценного мрамора с фризами, не потерявшими блестящих красок. В то время как я с любопытством их рассматривал и восхищался их богатством, я вспомнил знаменитый спор Симмаха со св. Амвросием по поводу Алтаря Победы. Симмах энергично нападал на последние законы, изданные императорами против языческих жрецов. Он сокрушался особенно о весталках, он с чувством говорил об этих благородных девах, посвятивших свою девственность благу государства и у которых отнимают отданную им землю и содержание, получавшееся ими из казны. Св. Амвросий отвечал ему, что эти благородные девы не заслуживают того восхищения, которое высказывает Симмах. Он напоминал привилегии, богатство, почет, которыми они пользовались, и роскошную жизнь, которую они вели благодаря поддержке государства; тем не менее, несмотря на все эти преимущества, их было только семь. «Вот как мало дев можно было собрать вокруг храма Весты. Они носили блестящие пурпуровые одежды, их носили в носилках, за ними следовала целая свита служителей, им щедро раздавали деньги, они могли обрекать себя на девство только на известное количество лет». Этим дамам, пользующимся всеми мирскими благами и светскими удовольствиями, Амвросий противопоставляет христианских девственниц, простых, скромных и вместе с тем многочисленных. «У них нет роскошных повязок, а только грубое покрывало на лице. Вместо того чтобы подчеркивать свою красоту разными украшениями, они, напротив, стараются одеваться как можно проще. Они ищут не роскоши и удовольствий, а поста и бедности». Несомненно, должен был быть резкий контраст между христианскими монастырями и аристократической обителью весталок. Мне кажется, что посещение их роскошного дома, открытого раскопками, и вид их покоев, от которых сохранились прекрасные остатки, могут служить комментарием к словам св. Амвросия.

Покинем наконец этот обширный перистиль, который так долго удерживал нас. Лестница в 26 ступеней ведет нас на улицу, которую можно проследить в настоящее время от церкви Св. Марии Либератриче до окрестностей арки Тита, и которая идет вдоль Атриума Весты. Думают, что это Новая улица, о которой неоднократно говорится в римской истории и которая кончалась у Палатинских ворот и у храма Юпитера Статора (Юпитера Хранителя. – *Примеч. ред.*). Надо сознаться, что с этой стороны затвор весталок не был особенно крепок и что через низкие окна враг мог легко проникать к ним. Еще несколько ступеней приводит нас к новым комна-

там, от которых сохранился только мозаичный пол; некоторые служили для омовения; до сих пор видны в стенах кирпичные трубы, по которым шла вода в мраморные ванны. Среди этих покоев, которые, по-видимому, были довольны грубо исправлены в последние годы империи, видно начало другой лестницы, и это доказывает, что жилище весталок имело по крайней мере два этажа.

Отсюда всего лучше наблюдать, какой вид принял Палатинский холм после раскопок. До последнего времени Палатинский холм был отделен от Форума пыльной дорогой, ведшей к саду Фарнезе. Потом, пройдя под воротами, построенными Виньолой²³, поднимались с террасы на террасу мимо деревьев и цветов вплоть до дворца Цезарей. Теперь все имеет совсем другой вид. Сняли обломки и землю, прикрывавшие античные дома, и все эти развалины, скрывавшиеся столько веков, появились вновь. С верха до низа холма видны теперь только каменные или кирпичные стены разной высоты и разрушенные дома. Это зрелище, по всей вероятности, нравится не всем, и художники будут жаловаться на археологов и упрекать их за то, что замаскировали сады Фарнезе, откуда такой прекрасный вид на *Campo Vaccino*, чем-то напоминающий парижские улицы, когда ломают дома. Верно, что археология обыкновенно мало заботится о красоте и что ей достаточно правды, но и правда имеет свою прелесть. Когда смотришь на вид Палатинского холма, какой он принял от раскопок, сначала взгляд теряется от накопления развалин, но через некоторое время воображение делает свое дело. Над этими уродливыми фундаментами оно возводит исчезнувшие здания, соединяет остатки стен, воссоздает по нескольким обломкам разрушенные дома и представляет нам этот квартал таким, каким он был в конце империи.

Нам предстоит извлечь не один урок из любопытного зрелища, которое оно представляет. Прежде всего мы убеждаемся, что древние народы мало дорожили широкими улицами и большими площадями, без которых не могут обходиться наши современные города. Мы находимся тут у самых императорских дворцов, в нескольких шагах от Форума, т. е. в самом центре большого города, тем не менее у нас перед глазами только куча домов, поднимающихся по склону холма, так тесно прижимающихся друг к другу, что они как будто давят друг друга и не оставляют между собой никакого пустого пространства. Двух улиц, разъединяющих их и идущих параллельно по склону Палатина (Новая улица, о которой я говорил, и *Clivus Victoriae* несколько выше), было недостаточно, чтобы дать этому кварталу нужный ему свет и воздух. Дома стали все больше и больше заполнять эти улицы. Сблизившись своими основаниями, они соединились верхами, между крышами проложены были аркады, поддерживавшие воздушные помещения, так что с течением времени *Nova via* и *Clivus Victoriae* стали темными проулками. Проходя по этим местам, я говорю себе, что, по всей вероятности, в подобной улице во времена Суллы был убит Секст Росций (убийца которого обвинял Цицерон), возвращавшийся вечером с обеда.

Другое соображение, появляющееся у меня при виде нового квартала, относится к дворцу Цезарей. В прежнее время, когда туда можно было проникать только чрез ворота Виньолиуса, когда эти развалины были отделены от Форума полями и стенами, нам это здание представлялось вполне уединенным. Такими в нашем воображении обыкновенно рисуются царские дворцы. Тем не менее мы ошибались, и последние раскопки доказывают это с очевидностью. Дом Калигулы, самого подозрительного из Цезарей, почти соприкасается с другими домами на холме. Оттуда хорошо сохранившаяся лестница спускается на средину *Clivus Victoriae*; от *Clivus* лестница доходит до *Nova via*, соприкасавшейся, как мы знаем, с Форумом; таким образом в несколько минут можно было подняться со Священной дороги во дворец. Значит тут нет ничего, похожего на жилища восточных деспотов, как их описывает Геродот,

---

²³ Джакомо Бароцци да Виньола (1507–1573), часто называемый просто Виньола, был одним из великих итальянских архитекторов XVI века. Два его великих шедевра – это вилла Фарнезе в Капрароле и иезуитская церковь Джезу в Риме.

с крепкими стенами и защитными валами. Ничто не отделяет от других домов дома Августа и Тиберия; они живут среди всех и не отделены от остальных римлян рвами и стенами. Они делали это нарочно, чтобы в них видели таких же граждан, как все остальные, чтобы убедить людей, которые судят по наружности (а это большинство), что Цезарей не следует считать царями и что под их владычеством Рим остается все-таки свободным городом.

Итак, из трех памятников, посвященных наиболее древнему римскому культу, мы имеем два: храм, где горел священный огонь, и жилище весталок. Остается открыть только третий, Regia, т. е. резиденцию великого жреца, где жил Юлий Цезарь. Следует ли думать с Ланчиани, что Regia исчезла гораздо раньше империи, или надо подозревать с Йорданом, что ее найдут под церковью Св. Марии Либератриче? Будущее ответит на этот вопрос.

III

Форум царей и республики. – Место Комиций и Курии. – Первая трибуна. – Старые и новые лавки. – Базилики

Мы на границе Форума. Кто посещает жилище весталок, видит его в нескольких шагах от себя и стремится к нему; я хочу, однако, удержать его еще несколько минут на пороге. Следует предостеречь его от возможных заблуждений и не позволять ему искать того, чего он не нашел бы.

Не забудем, что Форум, который мы собираемся посетить, это Форум империи. Там уже нет большинства памятников эпохи царей или славных времен республики, с которыми нам так хотелось бы познакомиться; его столько раз переделывали и перестраивали, он столько раз менял свой наружный вид, что эти древние воспоминания не оставили на нем почти никакого следа, а для нас они сохранились только у древних писателей, но их тексты были так проникательно истолкованы ученой критикой, что в настоящее время можно без большого труда и с достаточной вероятностью поставить памятники первого времени Рима на место, занятое зданиями другой эпохи.

Вид площади и ее естественная конфигурация очень помогают сделать это. По словам Дионисия Галикарнасского, Ромул и Таций сошлись в одном месте Форума для совещания, и на этом месте, названном Comitium (собранием), стали происходить народные собрания. Но где искать место Комиция? Давно его указывают повсюду, даже в самом низком месте равнины. Здравый смысл, однако, говорит, что он должен был находиться на возвышенном месте, обеспеченном от наводнения. Форум первоначально был болотом. Тарквиний, устроив Большой сток или *Cloaca Maxima*, открытый под портиком базилики Юлия, отвел стоячие воды в Тибр и первый сделал низ площади проходимым. До него не могло быть вопроса об устройстве там общественных собраний. Следовательно, место Комиция надо искать несколько выше, в сухом месте на склоне холма. Тексты древних писателей доказывают, что он находился на северо-западной стороне Форума, в той части, где теперь находится арка Севера, церковь Св. Луки и Мартины и церковь Св. Адриана. Он представлял квадрат, возвышенный на несколько ступеней, окруженный балюстрадой и достаточно обширный, чтобы там могли собираться Куриатские комиции. Над Комицием построили Курию, в которой собирался Сенат. Думают, что она находилась на том месте, где стоит церковь Св. Адриана. Несколько выше Курии довольно обширная площадка была занята разными памятниками, а именно Грекостадий или *Graecostasis*, местом, где иностранные послы присутствовали при народных собраниях, и храмом Согласия, развалины которого сохранились до сих пор.

Таким образом, мы все же можем иметь представление об античном Форуме, хотя от него почти ничего не осталось. Представим себе у подножия Капитолия и крепости ряд террас, которые поднимаются одна над другой. В самом низу болотистая равнина, которая и есть

настоящий Форум, где собирается народ; несколько выше Комиций, квадратная площадка, где собираются знатные, т. е. настоящие граждане, управляющие Римом; еще выше Курия, где заседает Сенат, преддверием которого служит Комиций, так что самая конфигурация площади является точным изображением политического строя страны, и разные этажи соответствуют ступеням социальной иерархии; каждый класс поднимается выше, по мере того как приобретает большее могущество, знать – над плебсом и Сенат – над всеми.

Изображение Ростры на римской монете

Это строгое государство, где все общественные классы подчинены друг другу, тем не менее оно не деспотическое. Аристократия, которой принадлежит власть, не похожа на венецианскую аристократию, совещающуюся втайне и не позволяющую громко высказывать свое мнение. Самые важные вопросы обсуждаются публично в Комиции. В том месте, где происходили народные собрания, есть кафедра для ораторов, и ее считают священным местом (*templum*). Кафедрой служила возвышенная площадка – ростра, откуда оратор был повсеместно виден, что заставляло его прилично одеваться и принимать благородные позы. Стена, ее поддерживающая, имеет странное украшение; к ней прикрепили железные ростры²⁴ судов, которые римляне нашли в гавани Акцииума, взяв этот город. Они сожгли корабли и унесли в виде трофея их Ростры, которыми должны были украсить Форум. Возле кафедры поместили то, что всегда должно быть перед глазами народа; например, там высечены законы Двенадцати таблиц, которые все граждане обязаны знать наизусть, и договоры, заключенные с соседними городами. Нельзя лучшим образом почтить гражданина, оказавшего услуги отечеству, чем поставив ему статую около этих носов «на самом видном месте города», как выразился Сенат. Тут находились рядом с ростральной колонной Дуилия, хранившей память о первой морской победе римлян, статуи римских послов, убитых жителями Фиден, – Камилла, Суллы, Гнея Октавия, Помпея. Место кафедры может быть указано довольно точно. Нам сообщают, что оно было по соседству с Курией; Сенат, знавший, какое значение имеет слово, хотел наблюдать за ней поблизости. Одно место Плиния сообщает нам, что она должна была находиться против *Graecostasis*, т. е. с другой стороны церкви Св. Адриана. Мы знаем, наконец, что она находилась на краю Комиция. Оттуда оратора могут слышать все, и голос его доходит до разных этажей Форума. Но в первые века было правилом, что он должен, произнося речь, обращаться к Комицию, он должен преимущественно иметь в виду знатное собрание, фактически управля-

²⁴ Ростра – таран с металлическим (бронза, железо) наконечником в носовой части военного корабля времен Древнего Рима, обычно в форме стилизованного трезубца. – *Примеч. ред.*

ющее городом. Позже Лициний Красс или, по другим сведениям, Гракх решились нарушить этот древний обычай, и в первую очередь стали обращаться к плебсу; верховная власть переместилась.

Так как Форум был наиболее посещаемой частью города, естественно, туда устремилась торговля; говорят, что, начиная со времен царей, он был окружен лавками. На юго-восточной стороне против Комиция было больше свободного пространства; оно было застроено раньше всего, там помещались так называемые Древние лавки (*tabernae Veteres*). Когда с этой стороны не хватило места, перешли на другое, остававшееся пустым около Комиция и Курии, и там построили Новые лавки (*tabernae Novae*). В них должны были быть представлены, особенно в первое время, различные отрасли торговли. Школа, куда шла Виргиния²⁵, когда ее схватили люди децемвира Аппия, находилась на Форуме. Когда отец вынужден был убить ее, чтобы спасти свою честь, он взял нож у мясника в Новых лавках. Позже купцы, изгнанные с Форума красивыми зданиями, там возводившимися, приютились в окрестностях. Значительная их часть основалась в квартале Священной дороги, рядом с продавцами фруктов и съестных припасов: там можно было найти более изящные лавки торговцев благовониями и ювелиров. Там жил в эпоху Юлия Цезаря, т. е. до христианства, «ювелир Священной дороги», которому в надгробной надписи расточается прекрасная похвала, что он был благотворителем и «любил бедных».

---

²⁵ Девушка стала жертвой коварного децемвира Аппия Клавдия, пожелавшего сделать ее своей любовницей. Защищая ее честь, отец девушки плебей Вергиний вынужден был убить ее принародно на Форуме. Это произошло в 451 г. до н. э. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.